

ЯНВАРЬ, ЕВРОПА, СТЫНЬ

Чихнул некстати,
«Здрасьте вам», – сказав.
Добавил тихо: «Дождик снова льётся».
Снял пальтецо и вывернул рукав.
Какой? Да левый. Левая не гнётся.

Ответили на «здрасьте» мне? Да нет.
Кому тут отвечать – в квартире пусто.
Стоит приятный запах сигарет,
А в кадке разрослись герберы густо.

Позвонит кто-нибудь сегодня? Нет.
Свет ни к чему – я полюбил потёмки.
В окне увижу городка макет,
Он не для жизни, а для киносъёмки.

И снова – «чих».
Январь, Европа, стынь.
Что там по телику? Опять разборки.
Немецкий вермут пью – одна полынь –
И, полупьяный, бормочу: «Как горько».

На башенке часы пробили шесть.
Ползут по стёклам капельки, как слизи.
Пытаюсь долго я прижиться здесь,
Хотя макетный город – не для жизни.

Макетный парк, макетный горсовет,
Макетная с дворцом старинным горка.
Прохожих за моим окошком нет,
А если кто пройдёт, услышит: «Горько».

Знакомо ночью заболит сустав,
Понянчу руку, старый, одряхлелый.
Ругнусь в прихожей утром: «Кто рукав

Мой вывернул?»
Какой рукав?
Да левый.

Я НЕ СТАНУ ПРОКУРОРОМ

Вдруг родишься, глянешь:
Люлька,
Деревянная стена,
За окном висит сосулька.
Мамку спросишь: «Что, весна?»

За окном сибирский морок.
Мамке кто пришил статью?
Стану, видно, прокурором,
Коль вопросы задаю.

Месяц, два... –
Всё люлька, люлька.
Эх, на лыжи бы да – в лес.
Упадёт в сугроб сосулька, –
Примечаю, хоть – малец.

Подрасту, смотрю с укором.
Люльки нету, есть кровать.
Я не стану прокурором,
Буду в шахте план давать.

Лягу, хмурый, после смены.
Ночь в окне черным-черна.
А вокруг глухие стены
Из сибирского бревна.

СУББОТНЯЯ ВЫЛАЗКА В ГОРОД

Грыз с маком большую баранку
(На голову хоть надевай),
Старинную слушал шарманку
И ждал двадцать первый трамвай.

Пакетик купил аспирина
И шнапса с названием «Ландскнехт».
Играла «Шармант Катарина»
Бесплатно шарманка для всех.

Поправил седую чуприну,
Шепнул в кулачок мелкий: «Эх»,
И слушал «Шармант Катарину»,
Взирая устало на всех.

Тряс банку с наклейкой «пожертвуй!»
Мужик с бородёнкой густой.
Потом подошёл двадцать первый –
Свежепомытый, пустой.

На нём я проехал три круга,
А это – четыре часа.
Тряслась на окне от испуга
С полосчатым брюхом оса.

Затем по салону кружила,
Зубами пёс маленький – клац.
«Пока», – я сказал пассажирам
И вышел на «Ляйпцигер платц».

А дома – лежал на кушетке,
Смотрел на бутылку «Ландскнехт»,
Запив тёплым шнапсом таблетки,
Шепнув в кулачок мелкий: «Эх».

НАМ, НЕНАДЁЖНЫМ, ПОВЕЗЛО

В обители моей светло бывает
Лишь иногда,
когда трамвай ночной
В окно направит луч и «Кольцевая»,
Пролопотав мне, поспешит к «Цветной».

Трамвайная дорога тут кривая,
Здесь поворот, и дальше нет пути.
Я выгляну в окно – вон «Кольцевая»,
А до ночной «Цветной» и не дойти.

В обители своей я осторожно
Хожу, молчу, как будто вор какой.
На «Кольцевой» – народец ненадёжный,
Достойные живут все на «Цветной».

На «Кольцевой» – полгода снегопады,
А у домов следы лесных куниц.
«Цветная» – где? А там, где Ленинграды,
Где купола, где твердь больших столиц.

Там – много-много в магазинах хлеба,
Полным-полно красавиц-молодух.
Цветами пахнет там? Не знаю, не был.
На «Кольцевой» стоит таёжный дух.

Здесь можно жить, вода тут ключевая.
Я утром выйду – всё вокруг бело,
На лес взглянув, следы куниц считаю,
Шепчу: «Нам, ненадёжным, повезло».

ЛУКОВЫЙ СУП

Листал всё утро катехизис,
Смотрел в окно, пил коньячок.
Потом пошёл к сестре Луизе,
Спросил: «Как жизнь?»
Она: «Ничо».
Ей жизнь моя неинтересна,
Вопросов нету у сестры.
Я сел за стол и с рожей пресной
Свои приглаживал вихры.
Луиза молча «KENT» курила,
В дыму не разглядеть лица.
Суп луковый сестра сварила,
А мне хотелось холодца.
Сестра, – здоровая кобыла,
Из дыма мне: «Чо, горячо?»
А я, вихрастенский обмылок,
Суп ел, шепча: «Ничо, ничо»,
И христианский катехизис
Перебирал в уме с трудом.
Курила «KENT» сестра Луиза,
Исчезнув в облаке густом.
Нет у неё ко мне вопросов
И к Богу – нет, всё ясно ей.
А я бубнил: «Ничо», гундосо,
Стараясь суп доесть скорей.
Сидел, по-стариковски, косо.
Ел суп.
Покашливал – бронхит.
Нет у меня к сестре вопросов,
Есть только – к Богу.
Он молчит.
«Спасибочко», – сказал Луизе.
Поковылял на свой чердак.
Листал весь вечер катехизис
И пил задумчиво коньяк.

ЖЁЛТЫЙ У ЗАБОРЧИКА ПИКАП

Мокрая на крыше черепица,
Жёлтый у заборчика пикап,
Осенью не надо торопиться,
Встань, глазей,
как капельки – кап-кап.

Слушай, как на крыше черногрудка
Клювиком по камешку стучит.
Осенью не скажешь: «Во живут как!»
Не воскликнешь с завистью: «Етит!»

Знаешь ты уже – что ожидает
Тех, под черепицей, и тебя,
Видишь, как вокруг всё увядает,
Как каштаны улицу бомбят.

Осенью нет зависти, всё ясно.
Ясно, что для всех один удел.
А живут они, конечно, классно,
Только я жить классно расхотел.

Потому как... потому как – осень,
И желаний глупых нет уже.
Черногрудки стук,
Лай глупых мосек,
Тишина, звенящая, в душе.

Капли вниз летят, чтобы разбиться.
Сколько их? Да много – кап да кап.
Мокрая на крыше черепица,
Жёлтый у заборчика пикап.

ПРЕДЗИМНЯЯ ПАСТОРАЛЬ

Пил чёрный чай, смотрел в окошко
И мякиш пальцами катал.
Гусь, яркие надев сапожки,
Степенно белый снег топтал.

Красиво! – падай хоть со стула.
Летят снежинки с четверга.
Я крикнул: «Люда, ты уснула?»
Она ответила: «Ага».

Всё прозевает, эх, кулёма.
Потом глаза протрёт: «Зима?»
Ну да: сугроб на крыше дома,
А на оградах бахрома.

Пил красное, смотрел в окошко.
Гусь гоготнул, мол, снег – ура!
Я на пол смёл ладонью крошки,
Решил: «Забить гусей пора».

Но это – завтра-послезавтра.
«Гуляй, – шепнул, – гордец, пока».
Похож гусак чуть-чуть на Гафта
И чуть – на Ваську Чумака.

Осенним мусором загажен
Был огород, теперь он бел.
Гусь крупный, родовит и важен,
От первоснега обалдел.

Пойду к своей, её поглажу,
Покой, тепло и мир в избе.
«Гуся охота», – баба скажет.
Я ей: «Да будет гусь тебе».

РАРИТЕТ

Отрастил я большущую бороду,
Лапотки, лыко вымочив, сплёл
И брожу по немецкому городу,
Улыбаясь, хоть гол как сокол.
Так шатаюсь с дурацкою рожею,
Напевая своё: «Разлюли...»
Эфиопочки две чернокожие
В бородищу мне ленты вплели,
Налепили стеклянные стразы,
В уши шепчут, смеясь: «Very well».
Диковат и космат, словно Разин.
На Неметчине я обрусел.
Захожу в ресторанчик с пилястрами,
Денег нету, есть только рубли.
Бородища висит жёлто-красная,
Напеваю своё: «Разлюли...»
Тут нальют?
Да нальют, я же пугало.
А вернее сказать, – раритет.
Вон деваха на входе погуглила.
«Разлюли» ищет?
Хмурится: «Бред».
Гогочу и пою, глажу бороду,
Свой спецназовский скинул бушлат.
Выпил? Выпил.
И дальше – по городу.
Шу-шу-шу – лапоточки шуршат.
Эфиопки со мною шатаются.
«Ты из немцев? Из русских? Да? Нет?» –
Надо мною они потешаются.
Эх, дурёхи, да я – раритет.

СКОРО ТАМ ПОЛЯНЫ ЗАРАСТУТ

Да, скоро там поляны зарастут,
И скажет местный житель, ухмыляясь:
«Поверьте, никогда не жил он тут».
Соврёт? Соврёт.
Что делать – жизнь такая.

Вернусь туристом.
Кофр я загружу:
Подарочки забывчивым и лживым.
О прошлом не грустил и не грущу.
– Ну, как вы тут?
– Да, слава Богу, – живы.

Шептаться станут:
– У него гешефт...
А я пойду вдоль стареньких оградок
И разгляжу, на корточках присев,
Следы отца, след конвоира – рядом.

Нет, не прошу я Бога: «Накажи».
Все раны заросли, остались шрамы.
Следы конвойных до сих пор свежи,
А рядом след моей умершей мамы.

Для вас, я понимаю, это – сюр:
Сибирь, тайга, убогие хибарки.
Раз-два – и кончился мой тур.
Нашёл следы.
Раздал подарки.

НЕМЕЦ, ПЕРЕЦ, КОЛБАСА

Пошёл.
Не спрашивай – вернусь ли?
Не бормочи за дверью: «Сглаз...»
Я русские послушать гусли
Хочу на «Alexanderplatz».

Там есть певун в косоворотке,
С кудрями русыми гусяр.
Вокруг толпятся гугенотки,
Потомки столбовых бояр.

Но более всего – холопов
Из разных мест страны большой.
Стой, слушай и глазами хлопай
Да в такт притопывай ногой.

Под вечер он в рогожу гусли,
Как ляльку, нежно завернёт.
Пойдёт.
А я за ним.
Вернусь ли?
«Вертайся!» – кто-то заорёт.

За город выйдем, перекурим.
И дальше – в тёмные леса.
Я полетусь за ним, как дурень.
Эх, немец, перец, колбаса.

ФУЛЬДА

И кто я тут? Да чудо-юдо,
С заскоком старческим пиит.
У ног затихла речка Фульда:
То ли бежит, то ли стоит.

Шагну в неё – она в покое.
На мне пальто.
Как мелко тут.
Ругнусь беззлобно: «Что такое,
И потонуть здесь не дадут!»

Вот врут, что будто королева
Купалась в Фульде, –
В ней же муть.
По дну пройду на берег левый,
А глубина – всего по грудь.

На правом –
Фрау Штемпель Ева
Раскрыла рот: мол, вот даёт!
Я – чудо-юдо, я – на левом,
Я мокрый старый идиот.

«Эй, – крикну фрау Штемпель Еве, –
Тут мелко, нет тут глубины,
По грудь здесь мне и королеве».
Теперь – домой, сменить штаны.

Стоит на правом фрау Штемпель.
Нет, воды Фульды не текут.
Пойду, махая тростью, в темпе,
Вновь убедившись: мелко тут.